

Анатолий Липов
Институт философии РАН

СЛОВО В ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АЛЕКСАНДРА ПОТЕБНИ

Key words: philosophical, the linguistic theory of language by Alexander Potebnia, language as an activity, value of thought and language, Kharkiv psychological school of literary criticism

Проблемы, связанные с языком постоянно присутствуют в тематике философского анализа. Лексика, фонетика и др. особенности языка находятся в состоянии непрерывного изменения в соответствии с языковыми законами. Существовая в постоянном движении язык, непрерывно развивается, совершенствуется, имея свое настоящее, прошлое и будущее, при одновременном обогащении языкового словаря как одного из важнейших факторов развития языка и свидетельство его динамического характера.

Однако проблемы взаимосвязи языкового отражения, с одной стороны и социально-культурных, исторических его форм и философской антропологии еще только ставятся. В 70–80-е годы XX века подобный подход нашел свое отражение в концепциях „понимания” (Владимира Филатова, Евгения Быстрицкого), „истолкования текста” (Вилена Горского), попытках рассмотрения языка как знакового средства (в работах Анатолия Коршунова, Вячеслава Мантатова и др.)¹. К концу XX века язык как знаковая система перестает быть в центре исследовательских интересов. В последнее время в значительной степени продвинулись исследования в изучении как отражательной функции языка в связи с его знаковыми логико-семантическими, так и коннотативными особенностями и свойствами, представляющие собой многогранный лингво-психологический феномен. Философия языка и лингвистика начинает тяготеть к соединению с психологией и социологией, объявляя язык человека (наряду с ощущениями, восприятием, памятью, эмоциями, мышлением)

¹ См. напр. А.М. Коршунов, В.В. Мантатов, *Теория отражения и эвристическая роль знаков*, Москва 1974.

одной из когнитивных способностей, а лингвистику – частью междисциплинарной науки когнитологии (когнитивистики)². Подобный ракурс философского исследования неизбежно смыкается с изучением языковых явлений не только в области лингвистики, языкознания, искусствоведения, но и в теории и психологии искусства, этнологических и антропологических исследованиях.

В то же время сама история психологии и лингвистики с очевидностью свидетельствует о том, что подобная постановка вопроса характеризуется относительной новизной. Уже на рубеже XIX–XX веков многие известные теории языкознания, литературоведения, эстетики уделяли значительное, едва – ли не основное внимание разработке лингво – психологических аспектов проблемы соотношения мышления и языка, психологической структуре слова, художественного выражения и высказывания, проблеме „внутренней речи” и „формирования мысли посредством слова”, материалом которых является словесная ткань. И в этом эволюционном исследовательском движении, как философия языка, так и собственно языкознание всегда охотно вступали в контакт с другими науками – как гуманитарными, так и естественными.

Помимо смыкания языкознания с биологией, социологией, психологией, правомерно упомянуть в качестве наглядного примера бум математической лингвистики в 1960-е годы, неизбежно сопровождавшийся наводнением лингвистических исследований терминами науки – донора. Однако сама проблема взаимоотношения языка и мышления в качестве философско-фундаментальной была поставлена значительно раньше. В России начало как теоретической, так и эмпирической разработки этих проблем знаменуется фундаментальными исследованиями Юрия Тынянова, Виктора Виноградова, Дмитрия Овсянко-Куликовского и Александра Потебни. Волна публикаций из наследия отечественных мыслителей в начале 90-х годов XX века позволила читателям нередко впервые „открывать” для себя малодоступных ранее Владимира Соловьева, Павла Флоренского, Николая Бердяева, Густава Шпета и др. В эти же годы выходят в свет сборники *Слово и миф* (1989) и *Теоретическая поэтика* (1990) Потебни.

Следует заметить, что появлению на этой волне сборников избранных трудов Потебни не предшествовал и не сопутствовал тот общественный ажиотаж, который часто обрамлял публикации данного рода. Относительная скромность выхода в свет работ Потебни объясняется не только главным образом филологической направленностью его работ и тем фактом, что основ-

² См. В.З. Демьяненко, В.В. Воробьев, *Лингвокультурология (теория и методы)*, Москва 1997; М.М. Копыленко, *Основы этнолингвистики*, Алматы 1995; В.З. Демьянков, *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*, Вопросы языкознания 1994, № 4, с. 17–33; З.Д. Попова, *Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики*. Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки 1996, № 2, с. 64–70; A. Assmann, *Kultur als Lebenswelt und Monument*, Frankfurt a. M. 1991.

ные его труды впервые увидели свет в 1860–1890-х годов, несколько раньше до появления фундаментальных философских работ Соловьева, Флоренского или Бердяева. Несмотря на публикацию, или, точнее – переиздание его трудов в 90-е годы уже XX века, этот авторитетнейший в предреволюционные десятилетия языковед и поныне останется для российских читателей неким „знакомым незнакомцем“, продлевая сформированное в 20-е годы и бытующее, к сожалению, до сих пор по инерции деформированное и упрощенное восприятие концепции Потебни как якобы „незавершенной“ системы, „недоработанность“ и внутреннее несовершенство которой требуют „не преувеличивать“ ее значимость.

Ни в коей мере не умаляя фундаментальность и значимость для литературоведения и лингвистики работ Тынянова, Виноградова и др. известных языковедов и лингвистов, отметим, тем не менее, что в свете современных представлений о психологических составляющих соотношения мышления и языка, формирования мысли посредством слова, „речевого мышления“ и др. наиболее значительное место в истории лингвистики занимает так называемая харьковская психологическая школа литературоведения, являющим собой направление, поднявшееся в свое время к наиболее объемлющим лингвистическим, философским и культурно-антропологическим обобщениям языковых явлений, представленная именами Овсянико-Куликовского и главным образом Потебни³, концепцию языка которого, наряду с концепцией языка Константина Аксакова, Алексей Лосев в „Предисловии“ к своей работе *Философии имени* назвал прекрасными.

Подобная высокая оценка заслуживает, безусловно, более полного цитирования. В примечаниях к *Философии имени* Лосев пишет:

Наша диалектика человеческого слова ближе всего подходит к тому конгломерату феноменологических, психологических, логических и лингвистических идей

³ Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) – один из выдающихся ученых-лингвистов, украинский и русский филолог, славист конца XIX века, член-корреспондент Петербургской АН (1877), оставивший глубокий след в самых разных областях научного знания – лингвистике, фольклористике, мифологии, эстетике, литературоведении и др. Разрабатывал проблемы теории словесности, фольклора и этнографии, а также общие вопросы языкознания – морфологии, фонетики, синтаксиса, семасиологии.

Потебня родился 22 сентября 1835 года на хуторе Манев, близ села Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии. Начальное образование он получил в польской гимназии города Радом, которую окончил не только с отличием, но и с прекрасным знанием польского языка, немецкого и латыни. В 1851 году Потебня поступает на юридический факультет Харьковского университета, через год переводится на историко-филологический факультет, который заканчивает в 1856 году. Здесь же он защитил магистерскую: *О некоторых символах в славянской народной поэзии* (1861) и докторскую: *Из записок по русской грамматике* (1874) диссертации, здесь же, став профессором кафедры русской словесности, работал до самой смерти 11 декабря 1891 года.

Основные изданные произведения: *К истории звуков русского языка*, Харьков 1876; *Слово о полку Игореве. Текст и примечание*, 2-е изд., Харьков 1914; *О некоторых символах в славянской народной поэзии*, Харьков 1914; *Мысль и язык*, Одесса 1926; *Из записок по русской грамматике*, в 2-х томах, Москва 1958; *Эстетика и поэтика*, Москва 1976; *Слово и миф*, Москва 1989; *Теоретическая поэтика*, Москва 1990.

и методов, который характерен для прекрасного исследования А.А. Потебни *Мысль и язык* [...], внося в него, однако, диалектический смысл и систему⁴.

В примечаниях к *Диалектике художественной формы* Лосев также отмечает, что одним из его предшественников был Потебня,

развивший замечательное учение о взаимоотношении мысли и языка, если освободить его от ненужных психологических привнесений, и утверждающий, что „слово есть самая вещь”, что „язык есть средство не выразить уже готовую мысль, а создавать ее”, что оно – орган самосознания, начало, организующее понимание вещи и т.д.⁵.

Потебня считал свой метод психологическим, и к такому направлению относит Потебню история языкознания, однако Лосев полагал, что метод Потебни вовсе не психологический, а конструктивно-феноменологический; сам же Потебня, по мысли Лосева, не понимая этого, лишь пользуется психологическими терминами вроде образа, апперцепции, однако, „вкладывая в них совершенно не – психологический смысл”⁶.

Теоретическим вопросам языкознания посвящены книги Потебни *Мысль и язык* (1862) и *Из записок по русской грамматике* (1874). Украинский лингвист считал язык отражением народной психологии и отрицал связь грамматики с логикой, но это не мешало ему признавать единство языка и мышления. В вопросе о языке и мышлении он оставался на позициях Вильгельма Гумбольдта. Особенно примечательно то, что Потебня не ограничивался психологическим истолкованием языка и речи, а стремился вскрыть специфику языка как особой системы. В результате этого ему удалось по-новому поставить вопрос о слове, грамматической форме и частях речи и обнаружить существенные специфические свойства этих явлений языка.

Не случайно, видимо, в современной научной литературе лингвистическая теория Потебни именуется одновременно и лингво-философской и лингво-психологической теорией языка, ибо исходным и ключевым ее основанием является положение об эвристической функции языка как средства не только выразить готовую мысль, но и создавать ее. Такого рода, как бы мы сейчас сказали, „живой” постановкой научной проблемы Потебня и его последователи наиболее близко подошли в свое время к наиболее, если так можно сформулировать – адекватно-научному пониманию природы внутренней речи, формированию мысли посредством слова, предвосхищая в этом плане соответствующие изыскания и теоретические находки и гипотезы Льва Выготского и Михаила Бахтина.

При этом одним из существенных моментов, определяющих ее значимость и теоретическую ценность являлась тенденция к сближению в изучении языковых явлений сразу нескольких научных дисциплин – лингвистики,

⁴ См. А.Ф. Лосев, *Форма. Стиль. Выражение*, Москва 1995, с. 191.

⁵ Ibidem, с. 193.

⁶ Idem, *Диалектика художественной формы*, Москва 1927, с. 157.

эстетики, психологии и той области, которая сравнительно недавно оформилась в новый раздел научного знания, именуемый этнопсихологией. Одновременно в основу лингвистической теории Потебни закладывается одна из перспективных идей Гумбольдта о языке как деятельности, положение о том, что посредством языка человек не только сознает, но и видоизменяет содержание своей мысли.

С 1874 годом Потебня становится широко известен не только всей ученой России, но и далеко за ее пределами, как выдающийся специалист по славянской филологии, крупный ученый с оригинальными, смелыми гипотезами, способный подтвердить каждый свой вывод многогранным и скрупулезным анализом огромного количества фактического материала. В 1875 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук и действительным членом Общества любителей русской словесности при Московском университете. В этом же году ему присуждается Ломоносовская премия. Наиболее широкую известность ему приносят труды *К истории звуков русского языка* (1876–1883), *Слово о полку Игореве – текст и примечание* (1876). Потебня был создателем или в той или иной мере стоял у истоков современных подходов к этно- и социолингвистике, фонетике, исторической диалектологии, семасиологии, культурной антропологии.

Довольно значительный период времени в отечественной, главным образом научной литературе украинский языковед воспринимался как главным образом как ученый-лингвист и значительно реже воспринимался как культуролог и философ, невзирая на то, что его лингвистическая концепция обозначалась как лингво-философская и лингво-эстетическая. Между тем тематика его изысканий как исследователя чрезвычайно синтетична и не ограничивалась исключительно лингвистическим или культурологическим анализом языковых явлений, выходя далеко не только за пределы языкознания и культурологии.

Научный метод Потебни предполагал рассмотрение в единстве не только лингво-философских, но и культурно-исторических, фольклористских, литературных, этно- и социально-психологических явлений одновременно, что делает его в известной мере уникальным, не утратившим и поныне своей теоретической значимости инструментом для современного анализа языковых художественных явлений в самом широком методологическом исследовательском контексте. Не случайно исходные методологические позиции украинского лингвиста во многом связаны с теоретическими посылками одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания Гумбольдта, выдвинувшего на первый план проблемы исследования соотношения мышления и языка. Уже в начале своей научной деятельности Потебне удалось в достаточной степени глубоко осмыслить широту взглядов Гумбольдта на язык как на область, где постоянно пересекается и сопрягается объективное и субъективное, индивидуальное и социальное. Именно поэтому он изначально

принимает, казалось бы, парадоксальные утверждения Гумбольдта о том, что „всякое понимание есть, вместе непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе разногласие”⁷.

Анализируя труды выдающихся западноевропейских ученых – Гумбольдта, основоположника современной теоретической лингвистики Хеймана Штейнталя, немецкого языковеда, одного из основателей психологического направления в языкознании Карла Беккера – представителя, так называемого, логического направления в языкознании, Потебня говорит о происхождении языка, связи языка и мышления, в котором они находятся в тесно связи, образуя единство. Чтобы уловить свои душевные движения, отмечает он, чтобы осмыслить свои внешние восприятия человек должен каждое из них объективировать в слове и слово это привести в связь с другими словами. В этом плане слово является необходимым элементом для преобразования „низших” форм мышления в понятия.

Опираясь на Готхольда Лессинга в анализе внутренней структуры словесного художественного образа и реализуя, тем самым, классическую лингвистическую традицию, Потебня в то же время разделяет и развивает идею Гумбольдта о том, что „язык, в сущности, есть нечто постоянное” и в то же время „в каждый момент исчезающее явление”, что он „есть не мертвое произведение, а деятельность”. Основываясь на классическом представлении о том, что язык есть знак, обозначающий некую внешнюю или внутреннюю реальность, Потебня прослеживает в своих работах – как именно происходит это обозначение, как образ предмета переходит в понятие о предмете, каким образом формируются или утрачиваются в образе его предметные, смысловые или художественные признаки.

Отсюда и пристокает его пристальный интерес к анализу соотношения мышления и языка, анализу психологической структуры слова, художественного выражения и высказывания, лингвистическому и психологическому анализу природы художественной образности, ритмическим компонентам языковых художественных структур, соотношению между художественным словом и художественным произведением, а также попытки „установления противопоставления между прозой и поэзией”. Именно этими положениями в значительной степени и определяется круг его основных лингвистических идей и положение об эвристической функции языка как особого рода духовно-практической деятельности, как средства не только выражать готовую мысль, но и создавать ее. Данная концептуальная установка предопределяет в дальнейшем у Потебни, как лингвиста, и вывод о том, что язык и мышление образуют диалектическое противоречие, в котором язык, при определяющей роли мышления выступает как относительно самостоятельное явление. И как форма мысли и, в то же время, как средство ее формирования, ибо слово в его понимании, суть – творческий акт речи

⁷ А.А. Потебня, *Слово и миф*, Москва 1989, с. 40.

и познания и есть „выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию”⁸.

В этом плане в его понимании коммуникативный процесс, безотносительно к тому, идет ли речь о живом общении или же о восприятии художественного слова неизбежно внутренне, имманентно противоречив. Любое понимание всегда предполагает непонимание, поскольку каждый акт восприятия слова, каждое речевое высказывание – творческий акт и несет на себе как таковой черты неповторимости. Но, в то же время, „речь нераздельна с пониманием, ибо не является только личной принадлежностью субъекта”⁹. основополагающее понятие лингво-философской концепции слова Потебни – понятие внутренней формы слова, которая мыслится лингвистом как единство трех элементов – единства членораздельных звуков (внешнего знака значения), представления (внутреннего знака значения) и самого значения. Важнейшей же категорией в этой трехчленной структуре слова является понятие внутренней формы или представления – понятия, стоящего в центре лингвистической поэтики Потебни. Внутренняя форма образно и живописно выражает значение слова, она источник образности языка и, одновременно – главный инструмент появления новых слов.

Под внутренней формой слова Потебня подразумевал признак предмета, который лег в основу его наименования. Слово, в его понимании, не может выразить все свойство и качество обозначающего предмета, оно лишь показывает один из его признаков. Например, слово *подснежник* указывает на известный цветок, у которого много качеств и свойств, но само слово называет только один его признак – тот, что находится под снегом. Вот такое название или представление и является внутренней формой слова. Внутренняя форма, таким образом, выступает как способ передачи значения.

Умозрительно внутреннюю форму, таким образом, можно представить как образную форму концентрации его значения, представленную каким-то определенным признаком или символом. Ее можно воспринимать как образ, поэтическое представление, позволяющее сконцентрировать, представить в нем все значение предмета, явления, процесса в единичном и обобщенном виде. Она – центр образа, наиболее общий и обобщенный его признак сливающий слово и художественный образ в единое целое. Слово, сохраняющее все три элемента внутренней формы, в понимании ученого, есть образное, поэтическое слово. Прозаическое слово непосредственно, без связи с представлением, сочетает образ и значение. Слово же, совершенно независимое от своего сочетания с другими словами, сходным по общему признаку есть выражение суждения. В этом плане язык науки – высшая ступень прозаичности языка. Это язык, оперирующий значениями, возведенными в степень понятия.

⁸ Idem, *Мысль и язык*, Одесса 1926, с. 126.

⁹ Ibidem, с. 153.

Тем самым внутренняя форма мыслится им как средство познания нового, но не путем научной абстракции, а подведением новых впечатлений под уже имеющийся образ. При непосредственном возникновении слова, пишет Потебня, каждое слово уже имеет свою внутреннюю форму. Но со временем многие слова ее утрачивают и о внутренней форме слова приходится лишь гадать. Иначе почему, скажем, дерево дуб было названо дубом, а не иначе. По мысли лингвиста, мыслительно-речевой акт является в то же время и индивидуально-психическим творческим актом. Однако в речевой деятельности, наряду с индивидуальным началом участвует и социальное начало – это язык, выступающий как объективированная мысль. Слово и художественный образ в его понимании должны быть слиты в единое целое, бестелесный образ, по его выражению, улетучивается в мир теней. Слова, не подчиненные организующему принципу целого подобны осколкам. Поэтичность слова это его образность. Внутренняя же форма, по мысли Потебни,

выражая собой один из признаков познаваемого чувственного образа, не только создает единство образа, но и дает значение этого единства, она есть не образ предмета, но образ образа, то есть представление¹⁰.

Слово любого языка выражает не все содержание мысли, но есть лишь один из его признаков, одно из значений. Внутренняя же форма в языке осуществляет преемственность предъявленного значения слова с предыдущим, она указывает на прежнее, исходное его значение. Причем преемственность внутренней формы слова можно ощущать и проследить до тех пор, пока ясно происхождение очередного значения слова в „этимологической смысловой цепочке”. Ближайший ученик и последователь Потебни Овсяннико-Куликовский, поясняя трактовку им понятия внутренней формы приводит в качестве наиболее яркого и образного сравнения в этой связи слово *молокосос*. Помимо изначального, прямого смыслового обозначения существует и так называемое сравнение, перенесение, обозначающее и характеризующее, скажем, социально-незрелого молодого человека. Вслед за Потебней Овсяннико-Куликовский именует подобные слова „словами с внутренней формой”, где представление навязывается самим словом.

С категорией „внутренней формы” Потебня связывает далее и понятие поэтичности. Изначальная ее основа – сам язык, но поэтично, то есть содержит в себе некоторое художественное значение не любое слово, но только сохраняющее свою внутреннюю форму. Как эстетическое и художественное свойство поэтичность, по мысли филолога, теряется при отсутствии наглядного значения слова. Более того – слово, потерявшее свою внутреннюю форму безобразно. Если субъект воспринимает в слове некий звуковой комплекс и определенное содержание, но при этом в слове утрачивается связь между

¹⁰ Ibidem, с. 116. Подробно об образности у Потебни см. также: А.А. Потебня, *Из записок по теории словесности*, Харьков 1905, с. 147–149.

звук и значение, то утрачиваются и собственно образные признаки слова – основа его художественности¹¹.

Последние возникают в восприятии слова только при обусловленности его содержания другими словами, расширяя его первичное значение. Развернутые параллельные сравнения в русской народной поэзии (типа „добрый молодец” – „красна девица”), где одно слова указывает на внутреннюю форму другого, является, отмечает Потебня, наиболее наглядной иллюстрацией восстановления для сознания внутренней формы. В соответствии с подобными представлениями о внутренней структуре слова поэзия рассматривается как некий поиск и раскрытие в слове его ближайшего образно-этимологического значения, дающего возможность некоторого образного расширения, более образного и живого его применения, определяющим и придающим жизненность, образно-эмоциональную полноту, чувственную конкретность и осязаемость образному строю. При таком понимании „внутренняя форма” выступает как система отношений, проходящей различные ступени развития и меняющей свое как содержательно словесное, так и психологическое наполнение. На низших этапах развития языка она является чувством, сопровождающим восприятие и непосредственно отраженным в звуке, на более высоких ступенях – отождествляется с представлением. Тем самым „внутренняя форма” в понимании украинского мыслителя одновременно и чувство и представление, она не столько образ, сколько форма, способность, на основе которой создаются переносные значения, дающие, по мысли и выражению Потебни „простор новым мысленным массам”.

„Внутренняя форма слова”, утверждает Потебня, дает направленность мышлению на поиск множества значений слова, обуславливает и предопределяет развитие в нем значения одновременно не ограничивая пределов его применения, предоставляет возможность слову выступать в различных сочетаниях, получать переносный смысл, становиться частью сравнения и становиться тропом. Именно процесс сравнения, перенесения и смысла и значения, пронизывающих жизнь слова на всех его этапах и привносит, по мысли Потебни, элемент художественности во все более и более усложняющиеся словесные образования – в словосочетания, образы, и произведение в целом. Причем формирование нового смысла и нового значения происходит при применении слова:

В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего¹².

Примером здесь могут служить слова – *город*, *огород*, *городить*, *горожанин*. Подобная сравнительная цепочка однокоренных слов, по мысли

¹¹ Idem, *Мысль и язык*, с. 126.

¹² Ibidem, с. 83.

Потебни, наглядно и доказательно демонстрирует, что каждое значение слова есть собственное, и в то же время, каждое, – производное от другого.

Отсюда далее вытекает его утверждение о том, что слово не может быть понято только лишь как средство сообщения готовой мысли, ибо слово – средство к ее созданию „есть выражение мысли настолько, насколько служит средство к ее созданию”¹³ и характерное для Потебни отношение к языку как к непрерывной деятельности, динамическому явлению, не только постоянно трансформирующему слово, но и варьирующему уровни и его поэтической образности и смыслового наполнения. Более того, в самом акте словообразования слово, в его понимании, каждый раз соответствует одному акту мысли, ибо каждый раз как оно произносится или понимается, слово имеет не более одного значения. Причем, отмечает Потебня – предыдущее значение слова есть для нас значение не только слова, которое рассматриваем, а другого. Каждое значение слова есть собственное и, в то же время каждое, – производное.

Такого рода представления украинского лингвиста на природу художественной образности, расширявшие существующие традиционные представления в его время представлялись серьезной теоретической новацией. Художественный образ рассматривался не как нечто целостное и определенное, но конструировался в соответствии с принципом собирающейся и рассыпающейся образной психологической мозаики, в которой выделялись как сущностные, формирующие саму основу образности и самой художественности слова не только некие целостные и оформленные образные комплексы, но и „более простые” образные формы, некие картинные и даже смутные образы-представления.

С проблемой образно-психологического анализа природы образа у Потебни связан также и не менее важный вопрос о полноте (не-полноте) формируемого словесного образа и сопряженная с ним проблема сгущения чувственно-эмоционального его содержания, которая в дальнейшем предопределила наиболее адекватное и объемлющее осмысление в эстетике и искусствознании сложнейших явлений художественных синестезий. В трехчленной структуре слова, отмечает Потебня, звук и значения относятся к атрибутивным его свойствам, неперенным условиям его существования. Внутренняя же форма – наиболее важный и динамичный элемент слова. Утрата ее в слове, – закономерное явление естественным образом связанное с процессом абстрагирования, образования понятий из чувственных образов.

Этот процесс приводит к возникновению прозы, а вместе с ней далее и отвлеченного мышления, науки¹⁴. Потебня полагал, что предложенная им теоретическая модель, имеющая в своей основе трехчленную структуру

¹³ Ibidem, с. 153.

¹⁴ Ibidem, с. 126.

слова, универсальна и приложима к другим видам искусства, если, скажем в пластике, анализируя известную статую правосудия

будем рассуждать таким образом – эта мраморная статуя (внешняя форма) женщины с мечом и весами (внутренняя форма), представляющая правосудие (содержание)¹⁵.

Универсальность этой формулы, по его мнению, проявляется также и в возможности на ее основе исследовать процесс художественного творчества, – от идеи к образу и далее, – к его внешнему, в материале конкретного вида искусства оформлению.

Поэтический образ, по мысли Потебни, не всегда или не в полной мере сопряжен с цельным эстетическим переживанием или чувством. Характер этого переживания может быть более или менее отчетливым или ясным. Ключевым же элементом, определяющим жизненность, образно-эмоциональную полноту и индивидуальность образному строю являются, по его выражению, „живые подробности”, „свидетели наших чувств” – чувственно-конкретные элементы художественной образности. При этом им высказывается интересное суждение о том, что изначальная упрощенность и неясность первичного образного строя любого произведения является необходимым условием его дальнейшего становления, психологически обусловлена и необходима, так как в основе значения слов, утверждает Потебня, лежат упрощенные или отвлеченные представления.

Украинский мыслитель тщательно изучал разнообразные случаи изменения степени поэтической образности слова и прослеживал в связи с этим процессы возникновения, развития и изменения различных грамматических форм. Это изучение представило фактический содержательный материал для отношения Потебни к языку как к непрерывной деятельности, динамичному явлению, постоянно трансформирующему слово и варьирующему уровни его поэтической образности, ибо слово, в его понимании не может быть понято только как средство сообщения готовой мысли, оно суть средство ее создания.

Данные исследования привели его к утверждению о том, что со словом может быть связано практически любое упрощенное представление, „а иногда слово может не выражать никакого образа вообще”. Конкретное слово может обозначать собой определенный образ, может не обозначать никакого образа вовсе, но и вызывать образ, обладающим признакам понятия, может служить также для обозначения целого ряда образов. При этом результатом смешения этого образного ряда является не смешение или умножение их, но их обобщение. Причем образная структура не усиливается с накоплением общих элементов, так как появление образа, аналогичного предшествующему

---

¹⁵ Ibidem, с. 135.

может даже ослабить или стирать присущие ей характерные признаки. Но всегда сохраняется то, что объединяет эти образы – слово.

Таким образом, Потебня одним из первых среди лингвистов обосновал необходимость конкретизации и индивидуализации художественного образного ряда. Отсюда далее проистекает вывод о том, что далеко не любой словесный строй является образным по своей природе, ибо слово не тождественно образу. В то же время, он обосновывает чрезвычайно важное положение о наличии эстетического, точнее, в его формулировке, – „лирического” образного элемента уже на неосознанном уровне, или, как бы мы сейчас назвали – некоем эмоциональном тоне ощущений, простейших эмоциональных переживаний, влиянии этого тона переживаний не только на художественную, но и обыденную, бытовую деятельность как на ее мотивацию, тем самым, закладывая простейшие эстетические переживания в основу человеческой чувственности вообще.

Такого рода понимание Потебней специфики формирования словесной образности является лишь одним из фрагментов более общего осмысления им проблемы соотношения и взаимосвязи мышления и языка. Распространяя далее уже на искусство выводимые им исторические, структурные и функциональные особенности языка, Потебня приходит к выводу о полной аналогии между языком и искусством. Таким образом, исходным моментом его лингвофилософской концепции стала этимологическая проблема, – положение об эвристической функции языка как особого рода духовно-практической деятельности, как средства не только выражать готовую мысль, но и создавать ее¹⁶. Тем самым Потебня, а вслед за ним и его ученики, – представители харьковской психологической школы эстетики („харьковские потебнянцы”) наиболее близко подошли в свое время к адекватно-научному, соответствующему современному уровню знания пониманию природы внутренней речи, „мышлению словами”, предвосхищая в этом плане соответствующие исследования Выготского и Бахтина.

Не менее значимым представляется и положение лингвистической поэтики Потебни о тождестве слова и художественного произведения. Несмотря на очевидную несоразмерность слова как простейшего элемента поэтического мышления с таким многофункциональным явлением как художественное произведение, в них, полагал Потебня, проявляются общие структурные принципы равно присущие любому поэтическому мышлению. Отсюда следовала аналогия – в художественном произведении, как и в слове, имеется внешняя форма (жанровая, композиционная, стилистическая) и другие факторы, организующие произведение в художественное целое, позволяющее представить и его внутреннюю форму – поэтическое обобщение.

Само же по себе творчество в искусстве проецируется Потебней на субъективный мир художника и тесно с ним связывается, а характер феноменов

¹⁶ Ibidem, с. 153.

искусства выводится, прежде всего, из психологии творца. Из данной установки проистекает далее интерес Потебни к личности художника и субъективно-психологическим мотивам художественного творчества. Тем не менее, несмотря на то, что психологические тенденции в представлениях лингвиста не просто просматриваются, но были выражены более чем отчетливо, было бы неправильно считать Потебню достаточно последовательным приверженцем, получившим в конце XIX века широкое развитие психологического направления в русском литературоведении. Практически все, кто относил Потебню к этому направлению в литературоведении и лингвистике и, прежде всего, так называемые, „харьковские потебнианцы” – Дмитрий Овсяннико-Куликовский, Аркадий Горнфельд, Тимофей Райнов, любимый ученик Потебни Василий Харциев, а также Алексей Лосев, утверждали, что мыслитель занимал в этом вопросе совершенно особую позицию, иную позицию. Невзирая на то, что, повторимся, сам Потебня считал свой метод психологическим, пользуясь психологическими терминами, украинский мыслитель вкладывал в них, однако, далеко не только психологический смысл¹⁷.

Потебню, в первую очередь, как языковеда и лингвиста, интересовали, прежде всего, вопросы самой структуры слова и художественного текста. И лишь в рамках такого понимания, предполагающего самое широкое философско-лингвистическое осмысление данных языка и искусства слова, ученый стремился понять, каким образом осуществляется сложнейший синтез познания и творчества, выявить историко-культурные и психологические закономерности мышления и речи. В этом плане его представления, очевидно, не вмещались в рамки узко-психологического подхода. Исследовательский метод Потебни, как лингвиста, заключающий в себе ключевой методологический принцип – „язык – мысль”, предполагал теснейшую взаимосвязь художественного текста в самом объемлющем его понимании (роман, басня, миф и т.д.) с конкретно-психологическими данными языка даже в самых своих отвлеченных философско-лингвистических рассуждениях.

Видимым следствием подобной методологической широты является тот очевидный факт, что его концепция трехчленной структуры слова была и остается работающей концепцией. Практически каждая из его идей не только имела свое дальнейшее продолжение по мере развития лингвистики и литературоведения. Но и по сей день, не исчерпала до конца заложенных в ней смыслов. Некоторые из них, сформулированные как в самой общей форме, так и высказанные „по ходу дела”, реконструированные впоследствии другими исследователями приведут к серьезному пересмотру исходных теоретических позиций в отдельных гуманитарных областях.

¹⁷ См. В.В. Виноградов, *История русских лингвистических учений*, Москва 1978, с. 44; Н.В. Осьмаков, *Психологическое направление в русском литературоведении. Д.Н. Овсяннико-Куликовский*, Москва 1984, с. 27; А.Ф. Лосев, *Форма. Стиль. Выражение*, с. 191.

По существу, все без исключения отечественные авторы, занимающиеся вопросами художественной речи, проблемами художественного восприятия и творчества в той или иной степени соприкасались как с основными, так и с производными положениями лингвофилософской концепции Потебни или же, по меньшей мере, учитывали их, включая в свой идейный потенциал. Отголоски тех или иных его идей можно без труда обнаружить в трудах крупнейших отечественных исследователей – Льва Выготского, Александра Белецкого, Михаила Бахтина, Бориса Энгельгардта и др. Некоторые авторы (напр. Михаил Арнаудов и др.) прямо признавали свою „идейную” зависимость от творческого наследия украинского лингвиста в трудах других (напр. Михаил Храпченко), невзирая на отсутствие соответствующих ссылок, подобного рода преемственность и связь более чем очевидна. Так, например, сформулированная им проблема „язык – нация” с уклоном в этнопсихологию получила свое дальнейшее развитие в работах Дмитрия Овсяннико-Куликовского, Николая Трубецкого, Густава Шпета¹⁸.

Понятие „внутренней формы” слова вне прямой зависимости от работ Потебни, становится определяющим понятием в теории „построения слова” выдающегося математика, логика и религиозного мыслителя отца Павла Флоренского. Проблема соотношения мышления и речи и внутренней речи, в которой „мысль совершается в слове, а не выражается только в нем”, где „мысль – облако из которого речь исходит в каплях”, – предмет специального психологического исследования Выготского, составляющий один из оригинальнейших разделов его *Психологии искусства* наиболее полно изложенной в последней главе *Мышления и речи*, которую, по свидетельству академика Владимира Зинченко, Выготский, будучи уже тяжело больным, диктовал накануне своей кончины¹⁹.

Уже упоминавшиеся нами ранее многочисленные ученики Потебни – Овсяннико-Куликовский, Горнфельд, Райнов, Лезин, Харциев и др. составивших так называемую „харьковскую группу” – „харьковские потебнианцы”, разрабатывала на страницах периодического журнала „Вопросы теории и психологии творчества” сходные с воззрениями своего учителя методологические принципы на природу слова и соотношения мышления и речи²⁰.

В то же время, следуя исторической правде, необходимо признать, что официальное отношение к Потебне и его „теории слова” в истории отечественной науки не было однородным и менялось от крайне восторженных оценок и прямого почитания до достаточно сдержанного и прохладного. Так, например, если его соратники, ученики и коллеги полагали, что его открытия будут иметь для лингвистики, психологии, литературоведения не меньшее

¹⁸ См. напр. Г.Г. Шпет, *Внутренняя форма слова*, Иваново 1999.

¹⁹ См. В.П. Зинченко, *Мысль и слово*, под ред. Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета, ч. 1, Москва 2003, с. 21, электронный ресурс, режим доступа: <<http://www.D\инт.Сов.нов\Выготский.html/>>, дата доступа: 17.11.2010.

²⁰ См. Вопросы теории и психологии творчества 1913, № 4.

значение, чем, скажем, теория Чарльза Дарвина для естествознания, то в советский период, с конца 20-х и до конца 50-х годов утвердилась односторонне-негативная оценка и толкование его работ как „безнадежно-идеалистических”, что предопределило в известной мере мало признанное и даже боязненно – опасливое отношение к ней со стороны официального языковедения и литературоведения и в последующие годы.

При этом само печатное наследие Потебни более чем значительно. Исследователи его творчества полагают, что при полной публикации оно могло бы составить не менее 20-ти томов. Однако свои воззрения Потебня не успел изложить систематически. Основной теоретический багаж мыслителя рассеян по книгам и статьям. Причем из-за лаконичной, порой тезисной манеры его изложения, часть этих положений представлены не развернуто. Помимо изданных прижизненных работ Потебни, существует огромное количество записей, так и не подготовленных к печати самим автором. Немалая часть его работ и произведений так и не была завершена разработкой и до сих пор остается достоянием редких изданий и архивов, цитируемых неполно или даже отрывочно. И по сей день, невзирая на увидевший свет в 1989 году более чем объемный труд Потебни *Слово и миф*, его общая лингвистическая концепция в полной мере еще не очерчена и не понята как целостное явление. При этом практически все без исключения современные лингвисты сходятся во мнении, что широта его гуманитарного и научного кругозора в целом оказалась недостижимой для понимания его интерпретаторами.

Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что в своей научной деятельности, представляющей собой скорее научный поиск, Потебня нащупал, выделил, а в ряде случаев и обосновал такие положения и концептуальные позиции, одни из которых более относимы к уровню научных гипотез, другие можно интерпретировать в качестве блестящих догадок. К таковым можно причислить, например, его мысль о единстве пространства и времени, а также представления национальной языковой специфике мышления, ибо, по его выражению, „каждая мелочь в устройстве нашего языка должна давать без нашего ведома особые комбинации элементов мысли” и др.

Филолог в своих работах не только указывает на самобытность языковых наречий, на особую семантическую нюансировку, казалось, бы, одной и той же системы стихосложения, но и особо выделяет и аргументирует мысль о том, что семантическая различность национальных языков настолько глубока, что перевод с одного языка на другой есть не передача готовой мысли, а возбуждение другой, отличной.

Очевидным следствием методологической широты лингво – философской концепции Потебни является трудно оспоримый факт – практически каждая из его идей не только имела свое продолжение и даже свою теоретическую судьбу, но не исчерпала и поныне заложенных в ней смыслов. С течением времени, объективный ход и закономерности развития научного

знания, и в частности, формирования такой научной дисциплины как психолингвистика с неизбежностью привели к тому, что во многом идеологизированные официальные оценки теоретической концепции такого крупнейшего лингвиста и специалиста в области философии языка менялись в сторону все более глубокого ее осмысления и признания. Уже упоминавшаяся нами ранее харьковская психологическая школа эстетики, ставшая своего рода именем собственным в обозначении этого научного направления в лице таких последователей Потебни как Овсяннико-Куликовский, Горнфельд, Райнов, Лезин, Харциев и др. составили в конце XIX начале XX веков так называемую „харьковскую группу” – „харьковские потебнианцы”, разработывавших идеи Потебни на страницах периодического журнала „Вопросы теории и психологии творчества”, в наиболее широком, экспансивном, или, как сейчас принято говорить, – междисциплинарном аспекте поставила как одну из основных научных проблем проблему психологической структуры, психологического наполнения образа в процессе его совершения в слове²¹.

Становление словесного образа в этой школе рассматривалось не как нечто целостное и определенное, но представлялось скорее наподобие собирающейся и рассыпающейся психологической мозаики, в которой выделялись в качестве сущностных компонентов словесного образа не только целостные образные психологические его составляющие, но и простые, смутные, картинные образы-представления. В свою очередь подобное понимание психологической природы словесного образа во многом подготовило и предопределило осмысление в харьковской психологической школе сложнейших в психологическом отношении явлений и феноменов художественных синестезий.

Сформулированная украинским мыслителем проблема „язык – нация” с уклоном в этнопсихологию, получила свое развитие в работах Овсяннико-Куликовского, Трубецкого, Шпета. Лингво-философская концепция Потебни была воспринята также теоретиками русского символизма (Андрей Белый, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов и др.), развивавших вслед за украинским мыслителем идеи о поэтическом богатстве языка, гибких и многообразных формах образности слова, целостности и синтетичности образов искусства. Отголоски тех или иных ее положений, как уже было отмечено нами ранее, можно проследить в трудах крупнейших отечественных исследователей советского периода – Бахтина, Белецкого, Выготского, Виноградова, Энгельгардта и др. прямо признающих свою идейную зависимость от творческого наследия Потебни.

В других языковых исследованиях (Храпченко и др.) невзирая на отсутствие соответствующих ссылок, подобная рода преемственность и связь более чем очевидна. Другое, не менее значительное понятие, сформулированное украинским лингвистом – понятие диалогизма в терминах

²¹ См. Вопросы теории и психологии творчества 1910–1914.

„активно-диалогического понимания”, „диалогических обертонах речи”, „слова и противослова” выдвинулось в дальнейшем как одно из основных теоретических положений у Бахтина, который помимо эмоций и воли увидел в мышлении интонацию, существенным образом проникающую во все элементы мышления и словесной образности. Человеческая мысль, в представлении Бахтина, становится подлинной мыслью только в условиях контакта с чужой мыслью, воплощенном в чужом голосе. То есть в чужом, выраженном в слове сознании²². Когда же Бахтин писал о том, что мы говорим чужими словами, чужими высказываниями, бросая тем самым вызов лингвистике, приписывая ей неспособность понять сущность языковых действий, он, прежде всего, ставил под сомнение модели текстопорождения, основанные на прямом переходе от системы языка к языку в действии²³.

Чрезвычайно интересной и продуктивной оказалась мысль Потебни об утрате в слове в ходе словоупотребления его изначального образного его значения была воспринята в 30-х годах XIX столетия немецким психологом и лингвистом Карлом Бюлером, издавшего ряд работ по психологическим аспектам речи, сыгравших важную роль в расширении представлений о содержании мышления. Бюлер отмечал, что при возникновении слова оно обозначает чувственные признаки предметов, которые и являются первичными исходными значениями этих слов, пока в процессе развития языка не изменены связи этого слова. Вместе с тем Бюлер считал, что значение слова (в терминологии его концепции – „этамон”) не всегда, как отмечал Потебня, бывает утерян в звучании слова. До тех пор пока сохранено звучание слова живо и его значение, определяющее и применение данного слова и контекст.

Не только решение основных вопросов языкознания, но в том числе и осмысление проблемы определения языка в связи с теорией познания, анализ всех лингвистических проблем с точки зрения гносеологии еще одна основная особенность лингвистической концепции Потебни. В этом смысле его концепция языка, может быть определена и как философско-гносеологическая. Поэтому не будет большим преувеличением утверждение о том, что по широте разрабатываемых проблем – общие вопросы языкознания, фонетика, семантика, синтаксис, этимология, диалектология, фольклор и этнография, литературоведение – фигура, научная деятельность и научные работы Потебни занимают, по нашему убеждению, совершенно исключительное место в истории языкознания.

Пафос единства филологического знания буквально пронизывает деятельность Потебни. В работах *Слово и миф* и *Теоретическая поэтика* многие десятки страниц прямо соотносятся не только с теорией словесности, мифа,

²² См. М.М. Бахтин, *Работы 1920-х годов*, Киев 1994, с. 36; *idem*, *Проблемы творчества Достоевского*, Киев 1994, с. 294.

²³ См. *idem*, *Проблема речевых жанров*, в: *idem*, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 124.

фольклора. Исследовательские интенции украинского лингвиста, наблюдения нал языком плавно перетекают в наблюдения литературоведческого и культурно-исторического характера. Значение работ Потебни для современного языкознания, которые, вне сомнения, пригодились потомкам, заключается и в том, что украинским лингвистом был выдвинут ряд новых принципов понимания и исследования синтаксических явлений – принцип исторической изменчивости синтаксических категорий и, соответственно, – принцип историзма в осмыслении современной синтаксической системы, принцип структурной взаимосвязанности всех основных грамматических категорий – слова, части речи, члена предложения и предложения. При этом исключительна не только своего рода филологическая масштабность, но и культурно-историческая перспектива этих воззрений и принципов.

Своеобразную „мистическую” интерпретацию концепция Потебни о слове и образе получила в кругах теоретиков футуризма (Велимир Хлебников), пытавшихся вычислить сокровенное, магическое сочетание звуков и букв с целью прямого воздействия на преобразование жизни. Оставшись во многом незавершенной, лингво-философская теория украинского мыслителя дала одновременно толчок развитию в XX веке типологическому изучению искусства, психологии художественного восприятия и творчества. В то же время по сути – грандиозная по замыслу теория языка, стремящаяся стать философией языка, философией логоса в последующие годы, вплоть до конца 50-х годов была идейно и идеологически сужена и оценивалась главным образом в рамках „психологического направления” и „лингвистической поэтики” конца XIX века. Подобный узко-научный подход к философско-лингвистическому наследию Потебни в современном языкознании в некоем труднообъяснимом инерционном исследовательском варианте существует и поныне, в значительной степени ограничивая действительное понимание глубины его идей. Уже только одно это обстоятельство, несмотря на свою парадоксальность, позволяет сделать вывод, что творческий потенциал без сомнения философско-лингвистического по своей сути наследия Потебни столь значителен, что можно не сомневаться в его долгой жизни²⁴.

Дополнительная библиография

- Александр Афанасьевич Потебня (1962). Киев, изд. АН УССР.
Белодед А.И. (1985). *А.А. Потебня*. Русская речь 5.
Березин Ф.М. (1976). *Русское языкознание в конце XIX – начале XX вв.* Москва.
Березин Ф.М. (1979). *История русского языкознания*. Москва.

²⁴ Одним из убедительных тому свидетельств может служить одна из последних публикаций, посвященных его теории словесности в интернете. См. Ю.А. Минералов, *Теория словесности А.А. Потебни*, электронный ресурс, режим доступа: <<http://www.mineralov.ru>>, дата доступа: 2.12.2011.

- Булаховский Л.А. (1952). *Александр Афанасьевич Потебня*. Киев.
- Гутякулова В. (1970). *Художественное произведение и „слово” в трактовке А.А. Потебни*. В: *Вопросы истории и теории эстетики*. Вып. 6. Москва.
- Памяти Александра Афанасьевича Потебни (1882)*. Харьков.
- Пресняков О.П. (1978). *А.А. Потебня и русское литературоведение конца 19 начала 20 века*. Саратов.
- Пресняков О.П. (1980). *Поэтика познания и творчества. Теория словесности А.А. Потебни*. Москва.
- Психологическое направление в русском литературоведении (1975)*. В: *Академические школы в русском литературоведении*. Москва, гл. 4.
- Русское и славянское языкознание в России середины XIX начала XX вв. В биографических очерках и воспоминаниях современников (1980)*. Ленинград.
- Фомин А.А. (1971). *Потебня*. Русская речь 5.
- Франчук В.Ю. (1975). *Александр Афанасьевич Потебня*. Киев.
- Чудаков А.П. (1975). *Психологическое направление в русском литературоведении. А.А. Потебня*. В: *Академические школы в русском литературоведении*. Москва, с. 305–354.

Summary

The Word in the Philosophical and Linguistic Concepts by Alexander Potebnia

The article examines the linguistic, philosophical and psychological aspects of language as activity, problem of the relation of thought and speech, the psychological structure of words, the concept of “inner form” the words contained in the writings of the famous Ukrainian philosopher and linguist Alexander Potebnia (1835–1891).